

Анатолий Гладилин закончил свою главную книгу

Он покинул Россию 23 года назад, но остался русским писателем

— Над последней книгой вы работали целых четыре года. Можно узнать, о чем она?

— Юность моего главного героя приходится на 1794 год, и тогда он живет во Франции. Затем ему предстоит много жизней в разных странах, а умрет он через двести лет в Городе Ангелов, который по-испански так и называется — Лос-Анджелес. Я не могу объяснить, о чем книга. Если бы мог, то я бы ее не писал четыре года. Но за двести лет в мире было столько наворочено, что, полагаю, это будет занимательным чтением. Классический роман: острый сюжет, любовь, смерть, война, мир, преступление, наказание. Больше сказать ничего не могу, кроме названия: «Тень всадника».

— Где вы собираетесь ее издавать?

— Последние мои книги в России издавали «Конец века» и «Слово». «Конец века», кажется, уже не существует в природе, а жалко. Издательство «Слово» прекрасно и оперативно издало в 1991 году «Скотину Пелла». Я им очень благодарен за это. Насколько я знаю, «Слово» теперь в основном издает добротные энциклопедии и словари. Художественная литература сейчас прибыль не приносит. Я их хорошо понимаю и навязываться не буду. Раньше я всегда торопился издать свою новую книгу. Книга была единственной мне доступной общественной трибуной, книга приносила известность, иногда и деньги, книга в конце концов была средством залезть обидчику в морду. Ныне интерес к чтению в мире катастрофически упал, а меня ничто не торопит. Буду спокойно снова перелистывать отдельные места, что-то еще додумывать, закручивать. Я знаю, что успел написать Главную для меня книгу, а где, когда и каким тиражом ее издадут и какой резонанс она вызовет... У меня уже были известность и слава, причем, именно тогда, когда этого больше всего хочется, — в молодости.

— Давайте вернемся к тем уже далеким временам, когда примерно четверть века назад вы, один из самых популярных в Советском Союзе писателей, покинули отечество и переехали во Францию. Что побудило вас эмигрировать?

— Во всяком случае я эмигрировал не в поисках денег или теплого местечка. Это был прыжок в неизвестность. Мне казалось, что хватит сил начать новую жизнь. В Советском Союзе я был «невъездным». Эмиграция была единственным способом увидеть мир.

— И как вас встретила Франция?

— Хорошо встретила. Почти сразу оформили все необходимые документы и дали материальное пособие. От пособия я быстро отказался, ибо увлекся новой для себя работой: политической радиожурналистикой. В Союзе я в политику не лез, в Союзе мы научились прятать политику между строк, а тут — говори все в микрофон открытым текстом! Вскоре как американский корреспондент, аккредитованный во Франции, редактор и журналист парижского офиса Радио «Свобода» я сам получил возможность «подкармливать» русских авторов.

— К тому времени к берегам Сены прибило третью волну русской эмиграции. Что она, эта волна, тогда собой представляла?

— Третья эмиграционная волна осела в основном в Израиле и в Штатах. Французы не желали сосориться с великим Советским Союзом и во Францию пускали выборочно и очень немногих: известных музыкантов, художников, писателей.

— Вы сами рассорились с Влади-

миром Максимовым и до самой его кончины с ним не разговаривали...

— Когда я собрался эмигрировать, Андрей Дмитриевич Сахаров, который не одобрял моего решения, сказал мне буквально следующее: «Толя, раз вы решили уезжать, то поезжайте, пожалуйста, в Париж. Мне не нравится, как Володя делает журнал, а вы его друг и человек мягкий. Вы сможете скорректировать какие-

то его резкости». Вот так я долго и подробно отвечал на этот вопрос корреспонденту НТВ, но он все дальнейшие мои слова вырезал, и получились все в дерьме: Максимов — потому что делал плохой журнал, Сахаров — потому что не уходил из редколлегии журнала, хотя журнал ему и не нравился, и Гладилин — потому что говорит плохо об умерших. Все в дерьме, один корреспондент НТВ в белом... Так вот, Максимов старался строить «Континент», как форум различных мнений. Поэтому там звучали голоса, которые не нравились то Сахарову, то Солженицину, то еврейской общественности, то русским патриотам. И если бы у «Континента» была подпорченная репутация, вряд ли бы его главным редактором стал Игорь Виноградов. Да, Максимов был человек резкий, его заносило, в конце концов занесло на страницы газеты «Правда», но в отличие от многих теперешних российских демократов Максимов был человек глубоко идейный, честный, порядочный. Не могу себе представить, что Максимов брал бы взятки. Зато прекрасно себе представляю, как и куда послал бы Максимов человека, предложившего ему взятку, а он был знатоком ненормативной лексики.

— Вы очень дружили с Виктором Некрасовым...

— Виктор Платонович теперь так высоко и прочно (и по праву) сидит на литературном Олимпе, что мне странно вспоминать, как когда-то, сделав зверскую физиономию, я извлекал его из какого-нибудь кабинета на радио, где Некрасов благодушно распивал чай: «Все, Вика, кончай трепаться, пошли работать!» Но вообще такие люди, как Андрей Сахаров и Виктор Некрасов, рождаются раз в столетие.

— Тургенев, помнится, дружил с Флобером, Мопассаном, с другими французскими писателями. Дружат ли российские литераторы, оказавшиеся в эмиграции, со своими иностранными коллегами?

— Когда мы приехали во Францию, мы оказались в моде. Поэтому у Максимова, хотя он ни слова не говорил по-французски, я встречал

Пьера Дэкса, Реймона Арона, Эжена Йонеско. А так русские предпочитали общаться между собой.

— Существовали ли в эмиграционной среде властители дум, авторитеты — не в нынешнем смысле этого слова, светлые личности?

— Авторитетными были те, кто давал работу. Галич, Некрасов были действительно светлыми личностями.

— Приехав в Париж, вы сразу стали работать на радиостанции «Свобода». Почему вам пришлось отсюда уйти?

— Не сразу, но работал с увлечением. В парижском бюро, по разным причинам, сложилась особая обстановка, и американское начальство, приезжая к нам из Вашингтона или Мюнхена, ходило на цыпочках. Где-то я приводил уже этот пример, повторю еще: мне звонит из Америки хозяйка «Ардиса» Эллендеа Проффер: «Толя, в Нью-Йорке на радио уволили Довлатова. Сделай

что-нибудь». Я набираю Мюнхен и полчаса говорю с директором русской службы. Через полчаса Довлатова восстанавливают на работе. Однако постепенно все труднее становилось разговаривать с американским начальством. И вдруг резкое сокращение штатов. Уволили не только меня, но и всех моих внештатников: Максимова, Горбаневскую, Кублановского... Весь отдел культуры. Я был потрясен самой процедурой увольнения: готовили тайно, за спиной, и люди, которые клялись мне в дружбе, знали, что готовятся, но из трусости мне не говорили. Я не знал тогда, что были планы вообще закрыть радиостанцию и что потом, повсюду увольняя журналистов, «скотину Пелла» и другие директора Радио себе под шумок выбили зарплату больше, чем у президента США. Было чувство, что американцы меня предали. Правда, безработным я не был ни одного дня. Позвонили из «Немецкой волны», и я стал у них внештатным парижским корреспондентом. И написал «Скотину Пелла». В 1994 году в Вашингтоне мне показали материалы конгресса по расследованию деятельности Пелла и компании. И там же была приложена статья из газеты «Уолл-стрит джорнэл», которая называлась «Закат Радио «Свобода». В статье отмечалось, что помимо объективных причин — перестройка, гласность и так далее — руководство «Свободы» допустило стратегические и кадровые ошибки. «Первая ошибка: увольнение звезд русской журналистики Анатолия Гладилина». Вот тогда я успокоился.

— Как складывалась ваша писательская судьба во Франции? Главный читатель как-никак остался по ту сторону «железного занавеса».

— Несмотря на напряженную, изматывающую журналистскую работу, я написал такие книги, как «Большой беговой день» и «Французская Советская Социалистическая Республика». Любопытно, что в момент перестроечного читательского бума их в России издавать не смели (видимо, на мне еще было клеймо «подрывной радио-

станции»), эти книги были изданы по-русски лишь в Таллине и Вильнюсе. «Беговой день» был переведен на английский и французский и издан в Америке массовым тиражом. Во Франции было много рецензий. В одном специфическом журнале «Беговому дню» был посвящен целый разворот с четырьмя большими фотографиями: тов. Брежнев, Андропова, Гладилина и... Анилина. Кто такой тов. Анилин? Советский жеребец, который когда-то занял четвертое место в призе «Триумфальной арки». Это я к тому, что у русского писателя за границей судьбы не бывает.

— Гладилин московский и Гладилин парижский — это разные писатели?

— С годами все становятся разные.

— Можно ли считать, что вас с Аксеновым выпестовал в свое время Валентин Петрович Катаев, который возглавлял «Юность»?

— Я как-то ответил за себя и за Аксенова, а Вася ужасно рассердился: «Только, не было этого». Так вот, отвечаю лишь за себя. Валентин Петрович Катаев помог мне тем, что напечатал меня в журнале «Юность». Тогда это был беспрецедентный поступок: опубликовать повесть двадцатилетнего студента. Я плохо знал раннего Катаева, а всякие «За власть Советов!» и читать не хотел. Свою прекрасную «мовистскую» прозу («Святой колодец», «Трава забвенья» и т.д.) Валентин Петрович начал писать в шестидесятые годы, когда отошел от редакционных дел.

— Есть мнение, что писателю все равно, где творить. Классические примеры тому — Достоевский и Гоголь, которые создавали свои шедевры в Италии...

— Они не думали, что никогда больше не увидят Родины.

— Чего вам здесь не хватает больше всего как сочинителю?

— Живой русской речи.

— На исторической родине вас не забыли?

— Думаю, что ныне моим поклонникам и поклонницам сильно за 50. Откуда взяться новым? Мои старые книги были изъяты из библиотек и уничтожены методом «мелкой резки», их не переиздавали, так же, как и не издавали новые.

— Вы давно уже получили французское гражданство со всеми его радостями. Что значит для вас, русского писателя, быть французом, соотечественником Бальзака и Флобера, Стендаля и Пруста?

— Я русский писатель, я живу, как русский писатель, и умру, как русский писатель.

— Каким из парижского далека вам представляется российский литературный пейзаж?

— Как говорили раньше советские товарищи на зарубежных пресс-конференциях: «На провокационные вопросы не отвечаем».

— Но у вас, наверное, своя точка зрения на события в России.

— «Большой беговой день» был написан в 1981 году. Так вот там один из второстепенных героев, за всегдай «тотошки», на вопрос, кого выберет народ, если вдруг будут свободные выборы, убежденно отвечает: «Жуликов».

— Существует ли рецепт писательского успеха?

— Писатель не должен стремиться к успеху. Писатель должен стремиться написать хорошую книгу, успех определяет время. Если бы «Мастера и Маргариту» опубликовали не в 66–67-м году, а в 99-м, то книгу заметила бы лишь горстка читателей...

Париж.